

Дюк Степанович (15)

Дюк-то Степанович ведь три года у матушки без отца рос, отца-то богатыри убили. Как стал он трех годов, стал коня искать. Он-то всё хочет в Киев-град ехать, а мать-то не пускает, коня не дает. А он всё коня искал: на которого руку наложит, так конь-то шататца, всё не выбрать коня-то.

А подрос до шести годов, дак пошел по городу искать коня, кто коня укажет. Идет — стоит старуха, он ее и спрашивает, где коня взять. «Конь в глубоком погребе стоит, тот тебе подойдет». Пришел Дюк к погребу, спихнул чугунную доску, доской погреб-от накрыт был да песками присыпан. Взял он коня, поехал на горы таки коло Киева. Смотрит: «Ничого в Киеве хорошего нет, белое всё, церкви белые, а у нас все золотое». А конь пал на колени и говорит: «Не могу тебя носить, спусти меня пастись». Спустил коня-то, а сам зашел в погреб, тут питера и ядра всяко. Напился, наелся и спать лег. Сколько спал, две ли, три ли недели, не знаю, свидетелей-то не было. Проснулся, а платье-то на нем все лопнуло, розлезлось. Вышел из погреба, а коня нет, стал его кликать, а конь-то говорил: «Я сам прибегу». Опять пошел Дюк в погреб, напился, наелся, надел новое платье и спать лег. Сколько проспал, проснулся, а платье опять лопнуло. Вышел на улицу, а коня всё нет. Снова в погреб спустился. Долго ли спал, три года, тут и жил. Выспался, вышел на улицу. Тут конь прибежал, говорит: «Ехать можно, ты отъелся». А Дюк смотрит и не узнает: «Ты не мой конь». — «А ты на себя посмотри, тоже не похож на себя. Одни кости были». Сел он на коня, прибежал к матушке Омелфе Тимофеевне, она выскочила: «Кто такой?» А он прощаться приехал: «Прости, матушка Омелфа Тимофеевна, я поеду в Киев-град, ко князю Владимиру».

Поехал он к Киеву, приехал на горы, конь говорит: «Ничего там хорошего, белым белешенько, а у нас в Золотой Орде всё в золоте». Все равно поехали, конь его скачет, озера и реки меж ног спускат. Хотел Дюк к обедне в Киев приехать, пришел в церковь, а князя в церкви нет. Пошел в полаты ко княгине Апраксии, видит: сидит она. Он и говорит: «Здравствуй, княгини портомойница». — «Что ты, какá, говорит, я портомойница, я княгиня». — «А у нас так-от портомойницы ходят».

Пошел Дюк в церковь, стал, а сам все на сапоги поглядывают: сапоги-то в песке припылились. Князь стал на пир приглашать, пришли в полаты, — Дюк всё на сапоги поглядывают. Чурила-то Пленкович насмешник был и говорит: «Какой-то нахальник приехал к нам, с кого-сь сапоги да платье стащил, дак всё поглядывают». А Дюк-от и говорит: «У нас в Золотой Орде впереди-то идут лопатники, а потом стельщики, сукна стелют, дак сапоги-то только чистятся, а тут в песке всё». А Омельфа-то Тимофеевна дала ему перцатоцки, жемчугом шитые, велела подарить Илье Муромцу, старому казаку: «Ты ведь дитя хвастливое, дак он за тебя заступится».

Вот стали все есть. Он ест, верхнюю-то короцку на стол кидат, а нижнюю-то короцку под стол мецот. А Чурила-то и говорит: «Откуда такой нахальник к нам явился, хлебушко под стол кидат?» — «А у вас вот, господа, пеци-то глиняны, а у нас —

Один съешь, дак другой хочется,
Второй съешь, дак душа горит,
Третьей съешь, дак и сыт».

Всё поспариват с Чурилой. Заложилась они об заклад: «Давай ездить каждый день на новом коне». — «У меня кони-то в Золотой Орде в проклятой». Пошел к Сивушке-Бурушке за помощью. Конь и говорит: «Я буду кататься на заре, шерсть менять». Стал Чурило биться не о ста рублей, не о тысячи — о буйной

голове: Почай-реку перескочить, да и назад отскочить. А Почай-река на два поприща змеиных, на два по́скака лошадиных. Илья и Добрыня смотреть пошли. Чурила вперед скочил да назад не доскочил, Дюк ёго за волосы вытащыл. Хотел снести голову, да князь и княгиня отмолили.

Стали опять биться, стали платья носить, всё чтоб новое. Он послал записочку в Золотую Орду, коню под седло положил. Мать прислала ему платья. Стали среди церкви: Чурила повел палочкой по пуговкам, дак с одной стороны мальчик, а с другой девочка, дак поцелуются. А Дюк провел, дак всё райские птички поют. Опять перещоголял его, дак о головах ведь бьются.

Чурила решил о богатстве биться. Описывать добро пошли Добрыня Никитич да Илья. «А Олешу Поповича не посылай, он роду поповского, руки загребущие, он еще загребет казну-то мою, ограбит». Еще Потанюшку Хроменького послали. «Я ехал три дня, а вам косой-то дорогой три года». Вот ехали три года, да богатыри ведь всё. Приехали. Зашли в комнату, говорят: «Здрасте, Омелфа Тимофеевна». —

«Кака я Омелфа Тимофеевна, я портомойница». Во втору комнату зашли: «Здрасте, Омелфа Тимофеевна!» — «Кака я Омелфа Тимофеевна, я ее рукомойница, а она в церкви стоит. Да вы всем-то не кланяйтесь. Как пойдет Омелфа Тимофеевна из церкви, впереди-то пойдут лопатницы, потом-то пойдут метельщицы, а сзади стельщицы. Потом Омелфа Тимофеевна».

Пошли они, видят: дорогу разметають, сукна стелют, потом Омелфа Тимофеевна идет. Поздоровались они, а она и не посмотрела. Зашли в дом. «Зачем пришли?» — «Именье твое описывать». — «Како у меня именье? Описывайте ложки да вилки!»

Три года писали, не могли описать. Она говорит: «Поезжайте к князю, пусть на бумагу продаст Киев-град, а на чернила Чернигов-град».

И вернулись, ничего не вышло у них. Опосля смирились с Чурилом, дак и свататься вместе ходили за двух девок.

(Зап. Митрофановой В. В.: 24 июля 1956 г., д. Качгарт Нарьян-Марского р-на — от Марковой Софьи Степановны, 78 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.